

ветствовали истине. Мы не имеем никаких документальных свидетельств о тогдашнем отношении афинян к сокровищнице собственных их древностей. Мы не знаем, какие у них выработались предания, и не нашли ли себе наука, поэзия и философия их предков выражение в новых грамматических школах.

Предположить, чтобы таковые совершенно исчезли и чтобы в Афинах никого не было, кто бы занимался Гомером, Софоклом и Платоном, разумеется, нельзя. В то самое время, как в Афинах жил Акоминат, в Фессалониках на театре еще представлялись сказания о гомеровских героях. Это явствует из сочинения Евстафия; он отмечает ту критическую оценку, какую об этих представлениях мог бы дать древний грек, если бы воскрес, пояснив зрителям, что лицедеи, изображающие Приама, Одиссея, Аякса и Атридов, не более как фигляры. Правда, Фессалоники были крупным городом, а Афины сильно упали. В Афинах занятиям епископа не могли споспешествовать ни общественные библиотеки, ни ученые школы. По счастью, он с собой из Византии привез собственное собрание рукописей, и между ними находились Гомер, Аристотель, Гален, Евклид, Фукидид, Никандр и иные произведения древних. Но даже и в Афинах приобрел Михаил и переписал не одно сочинение; нашел он там целую коллекцию книг, принадлежавшую епископии и хранившуюся, по-видимому, в святой святых парфенонской церкви. Но если афинская митрополичья библиотека умещалась за алтарем в двух шкафах, то едва ли могла быть особенно содержательной.

«Как должен я страдать, — писал Михаил к патриарху Феодосию, — я, который удален от всяческой мудрости и осужден жить среди толпы варваров, обделенных философией». Он жаловался на то, что аттический язык превратился в грубое наречие, которого ему, Михаилу, никогда не постичь; касаясь упадка языка, он неоднократно, в виде остроумной притчи, приводит басню о том, как Терей варварски изуродовал Филомелу. Даже древние наименования местностей извратились в устах афинян, ибо, как замечает Акоминат, лишь немногие старинные имена сохранились без всяких из-